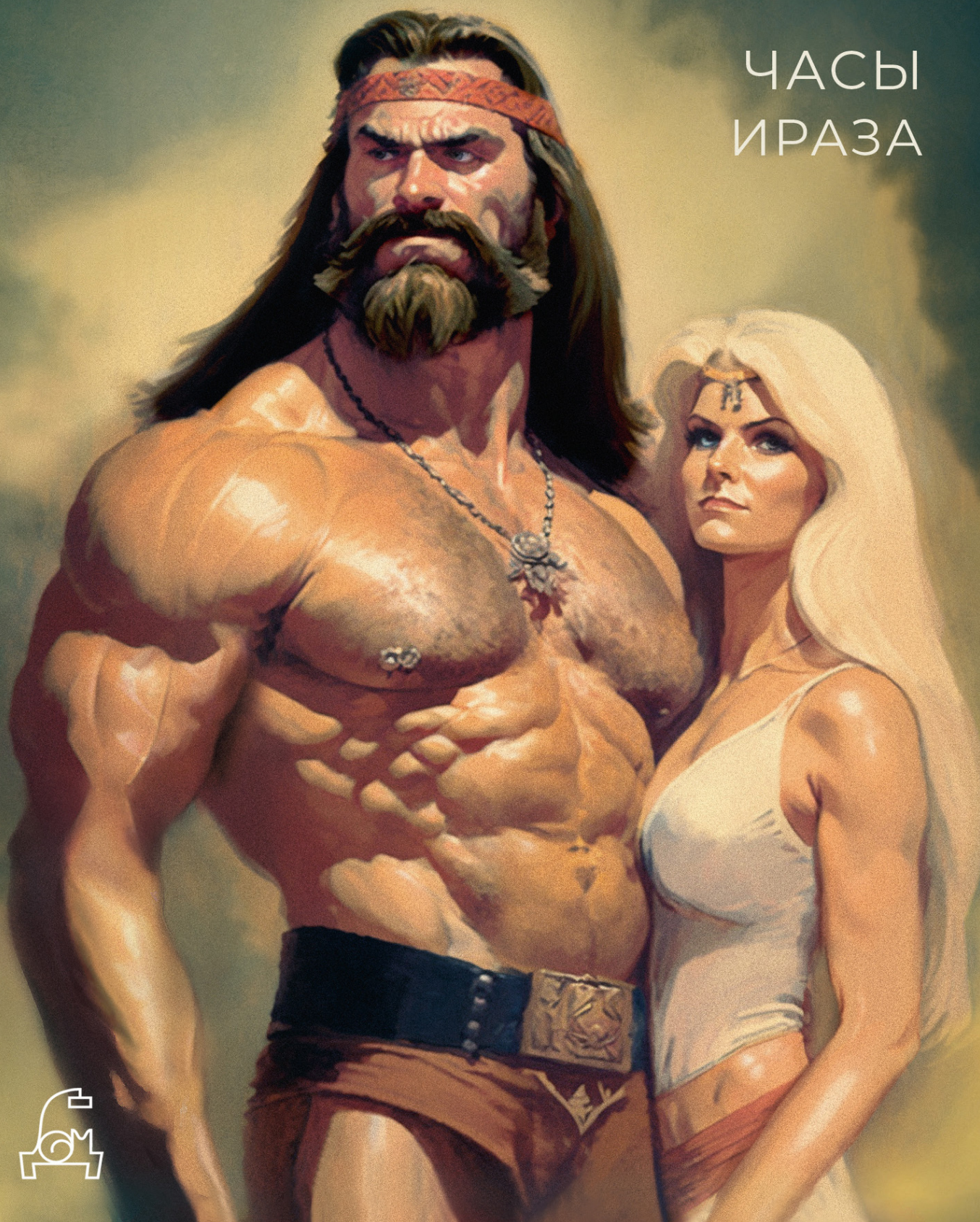

Н О В А Р И Я

ЛАЙОН
СПРЭГ

ДЕ КАМП

ЧАСЫ
ИРАЗА

Новария

Лайон Спрэг де Камп

Часы Ираза

ООО "Эвербук"

1971

Спрэг де Камп Л.

Часы Ираза / Л. Спрэг де Камп — ООО "Эвербук",
1971 — (Новария)

ISBN 978-5-00-580266-8

Джориан Ксиларский вместе со своим отправляется в столицу империи Пенембей к югу от Новарии, где ему предстоит починить часы на башне Кумашара, великого маяка Ираз. Много лет назад их установил его отец – талантливый часовщик Эвор. Но в чужой стране бывшего короля ждет новое испытание – встреча с предводителем наемников и революционной армии Ишбахаром. Джориану потребуется не только хитрость, но и удача, чтобы просто выбраться отсюда живым, не говоря уже о том, чтобы спасти город и ухватиться за жалкую надежду вернуть любимую жену Эстрильдис с помощью летающей ванны Карадура.

ISBN 978-5-00-580266-8

© Спрэг де Камп Л., 1971

© ООО "Эвербук", 1971

Содержание

I	5
II	17
III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лайон Спрэг де Камп

Часы Ираза

I

«Алый мамонт»

В Ирианской Республике, одном из Двенадцати Городов-государств Новарии, шел тринадцатый день месяца Единорога.

В городе Оринксе, в таверне под названием «Алый мамонт», сидел стройный, хорошо одетый юноша; он вертел в руках стакан с вином и глядел на дверь. Несмотря на новарскую одежду, что-то выдавало в посетителе чужеземца. Может быть, слишком смуглая кожа – у новарцев, в большинстве своем черноволосых, она была все же светлее. Да еще броские украшения, каких не носили в земле Двенадцати Городов.

В другом конце комнаты сидел мужчина постарше – среднего роста, коренастый, с простым, неприметным лицом и одетый в невзрачное черное платье. По сравнению с молодым щеголем он выглядел подчеркнуто аскетично.

Пока высокий юноша разглядывал дверь, крепыш, прихлебывая эль из просмоленной кожаной кружки, разглядывал высокого юношу. У обоих на лбу блестели капельки пота – погода стояла не по сезону жаркая.

Дверь распахнулась. С шумом и топотом в таверну ввалились шестеро грубоватых на вид мужчин: потных, черных от пыли и на чем свет стоит ругающих жару. Они заняли самый большой стол и принялись барабанить по нему кулаками. Самый рослый из всей компании, краснощекий детина с короткой черной бородой и глубоко посаженными темными глазками под нависшими черными бровями, зычно закричал:

– Эй, Тедус! Можно наконец честным работягам промочить глотки? А то у нас там пыли – хоть урожай выращивай!

– Иду, иду, мастер Никко, прекратите только этот дьявольский грохот, – проворчал хозяин таверны; он появился с добрым десятком кружек в руках, удерживая каждую за ручку толстым согнутым пальцем. Поставив кружки с элем на стол, он спросил: – Последний день здесь работаете?

– Да, – ответил здоровяк; его лицо пересекал шрам, оставшийся от удара мечом, и нос был перебит. – Завтра отправляемся в Эвродию. Нам велено вести водопровод на юг – сделать крюк по возвышенности, а уже потом рыть на Ир.

– А по-моему, рыть надо прямо к Иру, – возразил Тедус. – Чем короче, тем лучше.

– Мы бы так и сделали, но тогда Синдикату пришлось бы платить за опоры протяженностью несколько лиг. А какие они щедрые – сам знаешь: за лишнюю монету удавятся. Когда все будет готово, само собой, станут жаловаться, что наклон слишком мал и желоб засоряется. Я их предупреждал, но они не пожелали и слушать. Словом, куда ни рой, все равно сам будешь виноват. Горе бедным землемерам!

– Уж сколько лет толкуют об этом водопроводе, – заметил хозяин

– Не говори. Давно могли бы вырыть, да, верно, все надеялись, что Зеватас пошлет побольше дождя и наполнятся старые желоба. Так и сидели сложа руки, уж до чего дошло: не вымоешься, когда надо! Знал бы ты, что там за воздух, в подземном городе. Хоть раскапывай да продавай на удобрение! Ну ладно, что у тебя на обед?

Пока землемеры заказывали еду, к их столу подошел стройный юноша. Приблизившись сзади к здоровяку, он требовательно постучал ему по плечу указательным пальцем. Рабочий обернулся; юноша с акцентом заговорил по-новарски:

– Послушай, ты случайно не Джориан из Ардамэ?

Земемер прищурился, но лицо его осталось непроницаемым, и голос не дрогнул:

– Ни разу о таком не слышал. Я Никко из Кортолии, вот мои товарищи подтвердят.

– Но ведь... Пойдем-ка к моему столу поговорим.

– Пойдем, мой незнакомый друг, – не особенно дружелюбно отозвался рабочий.

Он поднялся и, забрав свою кружку, двинулся вслед за юношей. Затем уселся рядом с ним за стол, потихоньку нащупав у себя за поясом рукоятку ножа.

– Ну, сударь? Чем могу быть полезен?

Чужеземец звонко рассмеялся:

– Брось меня разыгрывать! Кто же не слышал о Джориане из Ардамэ, бывшем ксиларском короле, которого должны были обезглавить, а он сбежал и прячется... Ой!

– Потихе! – процедил сквозь зубы землемер.

Одной рукой он обхватил юношу за пояс, а другой незаметно приставил к его животу нож, слегка кольнув нежную кожу.

– Как... как ты смеешь?! – вскричал тот. – Так обращаться со знатной особой! Ты не посмеешь ничего со мной сделать!

– Хочешь проверить? Слушай, что тебе говорят, а то ведь жаль мазать твоими кишками такой красивый чистый пол.

– Н-но, любезнейший Джориан, я ведь все о тебе знаю. Доктор Карадур сказал, что сейчас ты скрываешься под вымышленным именем Никко из Кортолии, по нему я и разыскал тебя. Ай! Перестань же!

– Тогда замолчи, идиот! При чем тут Карадур? Говори шепотом!

– У меня письмо от него. Для тебя.

– Кто ты сам-то?

– М-мое имя Зерлик, сын Дерумика, сына...

– Чудное имя, в жизни такого не слышал. Откуда ты? Из Пенембии?

– Да, сударь. Точнее, из великого города Ираза.

– Карадур тоже в Иразе?

– Да, господин Джор... Ай!

– Еще раз произнесешь это имя – всажу по самую рукоятку. Покажи письмо.

Зерлик опустил глаза, словно рассматривая кончик собственного носа – длинного, крючковатого, с высокой горбинкой.

– Право, сударь, я, как человек благородного происхождения, не привык к столь бесцеремонному...

– Письмо, ваша светлость, а то гляди, кишки выпущу. Тебя что, нанял Карадур для передачи этого письма?

– Ну уж, сударь! Люди моего звания за деньги не трудятся. Я здесь по поручению его величества, потому что считаю своим долгом служить двору. Когда король, зная, что я неплохо говорю по-новарски, повелел мне доставить послание Карадура...

Пока Зерлик говорил, Джориан сорвал с письма печать и развернул лист тростниковой бумаги. Взглянул на каракули, покрывающие, словно паутина, хрустящий золотистый листок, и, нахмурившись, крикнул:

– Тедус! Будь добр, свечку!

Свечу принесли, и Джориан прочел следующее:

«Карадур Мальванский приветствует старого товарища, показавшего свою храбрость во время приключений с Ларцом Авлена.

Если хочешь вернуть себе крошку Эстрильдис и если не забыл еще ремесло часовщика, которым когда-то владел, то отправляйся в Ираз с господином Зерликом. Тебе предстоит починить часы на Башне Кумашара – задача для тебя не сложная, ведь эти часы, если не ошибаюсь, сделаны твоим отцом. Прощай».

– У старика мозги на месте, – пробормотал Джориан из Ардамэ, – не то что у тебя, мой мальчик. Заметь, в письме никаких имен...

Он замолчал, внимательно поглядев в другой конец комнаты. Сидевший там человек в простой темной одежде поднялся, оставив на столе монету, и незаметно вышел. Прежде чем дверь закрылась за ним, Джориан успел увидеть его лицо в профиль на фоне темнеющего неба.

– Тедус! – позвал Джориан.

– Да, мастер Никко?

– Кто это такой, тот, что сейчас вышел?

Хозяин пожал плечами:

– Не знаю. Он весь день просидел, выпил немного эля, а так все больше смотрел по сторонам.

– Откуда он, как тебе показалось?

– Он мало говорил. Но сдается мне, что выговор южный.

– Южный выговор, черная одежда, – пробурчал Джориан. – Ясно как день, что он из Ксилара. Не хватает только красных песочных часов на рубаше, да и без них ошибиться трудно.

– Может быть, ты слишком спешишь с выводами? – сказал Зерлик.

– Как знать. В моем положении поневоле замечаешь каждую мелочь. Можешь радоваться, господин Зерлик, в этой комнате ты не единственный тупица. Того типа я бы сразу должен был раскусить, да задумался о другом.

– Выходит, ксиларцы все еще хотят отрубить тебе голову? И подбросить вверх, чтобы выбрать нового короля? Этот обычай всегда казался мне гнусным.

– Если б речь шла о твоей голове, он показался бы тебе еще гнуснее. Что ж, теперь придется поторопиться с предложением Карадура. Но дорога денег стоит, а мне сей драгоценный металл карманов не оттягивает.

– Не беспокойся. Доктор Карадур выделил мне на эту поездку достаточную сумму.

– Вот и славно. Как ты сюда добрался?

– В колеснице, – ответил Зерлик.

– Так и ехал в ней от самого Ираза? Я не знал, что прибрежная дорога годится для колесниц.

– Не годится. Мы со слугой сто раз сами перетаскивали ее через скалы и вытягивали из ям. Однако ж доехали.

– А где твой слуга?

– Аир в кухне. Не может же он обедать вместе с господином!

Джориан пожал плечами.

Помолчав, Зерлик спросил:

– Ну, что дальше, сударь?

– Дай сообразить. Первым делом надо поскорее смыться из «Алого мамонта», пока сюда не заявились королевские стражники из Ксилара с сетями и арканами. У нас есть полчаса времени. Ты остановился здесь, в «Мамонте»?

– Да, в отдельной комнате. Не думаешь ли ты отправиться прямо сегодня?

– Да, и немедленно.

– А как же обед? – вскричал Зерлик.

– Засунь его себе в задницу! У покойников неважный аппетит. Если бы ты держал язык за зубами... Короче, вели слуге запрягать, а мы пока соберемся. Каким путем думаешь ехать?

– Тем же, что и сюда добрался: через Ксилар, по прибрежной дороге у подножия Козьей Кручи и вдоль побережья до Пенембии. А уж там в Ираз.

Джориан мрачно покачал головой:

– Ноги моей не будет в Ксиларе, пока они за мной охотятся.

– Как же тогда? Может, двинемся на восток, к Виндии, и обогнем Козью Кручу с другой стороны?

– Неразумно. На это понадобится не один месяц, и ехать придется через дикую равнину, по бездорожью.

Сдается мне, выход один – добираться морем.

– Морем! – так и взвизгнул Зерлик. – Я не выношу моря. И что станет с моей прекрасной колесницей?

– Вы со слугой можете отправиться в ней обратно, как приехали. Будете ждать меня в Иразе, мне бы только на судно попасть.

– Насколько я знаю, прибрежные суда сейчас ходят редко: на море хозяйничают пираты. И потом, мне было поручено всюду сопровождать тебя, оказывая помощь и поддержку.

Джориану подумалось, что если помощь и понадобится, то оказывать ее будет он, Джориан, вот этому избалованному молодому хлыщу, а уж никак не наоборот. Но он сдержался и сказал:

– Тогда поплывем со мной, а слуга пусть отвезет колесницу. Если не удастся попасть на каботажное судно, попробуем купить парусник, вдвоем мы с ним справимся.

– Вдруг Аир украдет колесницу и сбежит?

– Это уж, сударь, твои трудности.

– И потом, не могу же я скитаться по миру совершенно без прислуги, как какой-нибудь несчастный бродяга.

– Научись, милоч. Ты еще не знаешь, сколько всего сможешь, стоит чуточку постараться. – Джориан поднялся. – Так или иначе на болтовню больше времени нет. Пойду собираться, жду тебя здесь через четверть часа. Слуге скажи: повезет нас вдоль реки к Чемнису. – Он подошел к большому столу и похлопал по руке одного из землемеров: – Икадион, поднимемся к нам на минутку.

Недоуменно наморщив лоб, рабочий пошел вслед за Джорианом по скрипучей лестнице. В общей комнате, где ночевала вся компания, Джориан вытащил из-под кровати смену одежды, меч и еще кое-какое имущество. Меч вложил в ножны, а остальное засунул в прочный холщовый мешок. За этим занятием он сообщил:

– Кажется, я должен вас покинуть, как сказал леопард львице, увидев вернувшегося льва.

– Как, ты совсем от нас уходишь?

– Да. Главным теперь будешь ты. Синдикат задолжал мне немного за работу. Будь добр, получи эти деньги и сохрани до моего возвращения.

– Когда ты вернешься, Никко?

– Почем знать? Может, через полмесяца, может, через год.

– В какие ты края? И к чему такая спешка? Ты что-то скрываешь.

– Скажи, что меня испугали порывы зимнего ветра и капли дождя. Когда я вернусь – если вернусь, – то разыщу тебя и обо всем расскажу. А заодно заберу деньги.

– Ребята огорчатся, что ты уходишь. Тебя считают хорошим начальником, хоть ты и бываешь с ними крут.

– Спасибо тебе за эти слова. А место – твое по праву.

– Верно. Но мне ни за что не добиться от них такого усердия. Послушай, как тебя назвал этот чужеземец – Джорианом?

– Да, он меня с кем-то перепутал.

Взвалив на спину дорожную котомку, Джориан стал вместе с Икадионом спускаться по лестнице. Внизу он окинул взглядом посетителей и проговорил:

– Где застрял этот Зерлик?

Джориан прошел немного назад и постучал в дверь отдельной комнаты, в которой остановился ирзец.

– Заходи, заходи, – слышался голос Зерлика.

– Поторопись! Ты послал слугу запрягать?

– Нет, Аир здесь, помогает мне. Я что же, потвоему, должен сам укладывать вещи?

Джориан втянул воздух между зубов:

– Я только что уложил и, как видишь, остался цел и невредим. Хочешь, чтобы с тобой до старости нянчились? Пора запрягать, времени в обрез!

Зерлик толкнул рукой дверь и сказал:

– Любезнейший, если ты думаешь, что я в угоду тебе стану сам себя обслуживать, как последний мужик...

Лицо Джориана залилось ярким румянцем, не предвещавшим ничего доброго. В этот миг слуга Зерлика, маленький смуглый человек, робко залопотал что-то на своем наречии. Зерлик отрывисто отвечал. Аир поднял с полу увесистый деревянный сундук и вынес из комнаты.

– Минутку, – сказал Зерлик, – проверю напоследок, не забыл ли чего.

Аир потащил сундук вниз по лестнице. Затем кое-как доковылял с ним до двери и, поставив ношу, выскользнул на улицу. Джориан ждал.

Наконец появился Зерлик, и все они – Икадион, Зерлик и Джориан – стали спускаться. Когда они были внизу, в таверну вошли шестеро мужчин в простой темной одежде. Уже знакомый Джориану крепыш показал на него пальцем и крикнул:

– Это он, ребята! Хватайте его! Король Джориан, именем Ксиларского королевства приказываю тебе сдать его!

Шестерка бросилась к нему, огибая стол, за которым сидели землемеры, вытаращившие глаза от изумления. Когда один из ксиларцев добежал до лестницы, Джориан сорвал с плеча свою котомку и швырнул в преследователя. Тот повалился, и бежавший следом товарищ споткнулся о него и тоже упал.

Не успели они опомниться – Джориан со свистом выхватил меч. Перескочив через растянувшихся на полу неприятелей, он с размаху обрушил меч на плечо следующего. Ксиларец пронзительно вскрикнул и попятился, рассеченный чуть не до самой грудины. Затем опустился на пол в быстро растекающуюся лужу крови.

Другой человек в черном набросил Джориану на голову сеть. Он попробовал рассеять ее, но только запутал меч. Он отчаянно пытался разорвать сеть руками, но ксиларцы умело стягивали ее все туже вокруг его тела. Один подошел к Джориану сзади с дубинкой наготове.

– Ребята, сюда! – закричал Джориан землемерам. – Помогите! Зерлик, ты тоже! Тедус!

Землемеры, сообразив наконец, что к чему, бросились на людей в черном. Трое ксиларцев обнажили короткие мечи. У рабочих были только кинжалы, но один из них схватил скамью и ударил по голове стоящего рядом противника.

Появился Тедус с деревянным молотком в руках. Помешкав немного, чтобы уяснить, кто против кого, он ринулся в бой на стороне землемеров. Зерлик сперва лишь пританцовывал в нетерпении, наблюдая за схваткой, но вот и он подбежал к своему сундуку, раскрыл его, повозившись с замком, и вытащил легкий ятаган.

Атакованные со всех сторон, ксиларцы прекратили заматывать Джориана и отступили. Разрывая сеть руками и рассекая мечом, силач высвободился и бросился в гущу схватки. А поскольку он обладал не только самым мощным ударом, но и самым длинным мечом, его вмешательство окончательно решило участь похитителей.

Сражение шло полным ходом: противники кололи, резали, били друг друга кулаками, падали, снова подымались, швырялись посудой, катались по полу, толкались, пинались, размахивали оружием. Таверна наполнилась криками, грохотом падающих столов и скамеек, звоном разбитой посуды. Пол и одежда сражавшихся были забрызганы кровью. «Алый мамонт» сотрясся от топота. Рев, вопли, проклятия и угрозы, сливаясь в сплошной гул, неслись наружу, и у дверей уже собралась кучка любопытных оринксийцев.

Оказавшиеся в меньшинстве ксиларцы вскоре потерпели поражение. Джориану удалось проткнуть одного врага мечом, пока тот отбивался от Зерлика. Когда ксиларец упал, оставшиеся четверо подняли крик:

– Караул! Бежим! Спасайся кто может!

Расталкивая противников, они рванулись к выходу. Двое тащили товарища, оглушенного ударом Тедусова молотка. Одежда на троих уцелевших была изодрана в клочья, под лохмотьями виднелись кровоточащие раны. У двоих лица были залиты кровью, стекающей из ран на голове. Распугав зевак бряцанием оружия, четверка исчезла в сгущающихся сумерках.

В «Алом мамонте» двое землемеров перевязывали друг другу раны, а Икадион сидел, уронив голову и придерживая ее руками: на макушке у него росла шишка, оставленная ксиларской дубинкой. Тот человек, которого Джориан ранил первым, был уже мертв; второй кашлял кровавой пеной.

– Ах, моя чудесная таверна! – сокрушался Тедус, оглядывая место побоища.

– Я не хотел, мастер Тедус, – оправдывался Джориан, опершись на меч и с трудом переводя дыхание. – Помоги прибрать, Флоро. И ты, Вайлериас. Прикинь, хозяин, на какую сумму ты пострадал, и господин Зерлик выплатит.

– Что? – вскричал Зерлик.

– Отнеси на счет тех денег, что выделил на меня Карадур.

– Ты и впрямь беглый король Джориан из Ксилара? – с благоговейным страхом произнес кто-то из рабочих.

Оставив вопрос без внимания, Джориан обернулся к Тедусу, склонившемуся над раненым ксиларцем.

– Еще протянет часок-другой, – пробормотал хозяин таверны, – но вряд ли выживет. Надо послать кого-нибудь за караульным. Как-никак совершено убийство, должно быть расследование.

– Расследуйте что хотите, только без меня, – отозвался Джориан. – Мы с Зерликом уезжаем.

Тедус покачал головой:

– По закону не имеете права, пока не разрешит верховный судья. Может, вам предъявят обвинение.

– Что поделаешь? Закон я уважаю, но не настолько, чтоб сидеть и ждать следующей банды, пока твои блюстители бубнят с важным видом себе в бороды. Зерлик, заплати Тедусу. Зерлик стал рыться в кошельке, Джориан нахлобучил шляпу и взвалил на плечо котомку.

– Ну что ж, в путь!

– Но... господин Джориан, – взмолился Зерлик. – Уже почти стемнело.

– Тем лучше.

– Вдруг мы заблудимся или опрокинем колесницу?

– Не бойся, я сам буду управлять. Ночь лунная, а здешние дороги я знаю неплохо.

Колесница Зерлика, нагруженная тремя ездоками и их скарбом и запряженная парой красивых белых федиранских лошадей, прибыла в деревню Эвродию лишь за полночь. Зерлик неловко соскочил на землю.

– Ах, Джориан, по дороге я сотню раз прощался с жизнью, – сказал он. – Если бы не ты... Где ты так научился управлять колесницей?

Джориан рассмеялся:

– Я много чего умею: одно получше, другое похуже. Может быть, я единственный бродяга, специально этому ремеслу обучавшийся.

Зерлик попросил рассказать об этом подробнее. И вот, когда, договорившись о ночлеге, они принялись за ужин, Джориан, большой любитель побеседовать, начал свою историю:

– Королем я сделался по чистой случайности. Я был тогда твоих лет, знал ремесла – и у часовщика, и у плотника обучался. Службу прошел в оттоманском войске и, как отпустили, заглянул в Ксилар: может, думаю, работенка какая подвернется. Так и очутился на плацу, под стенами Ксилара, в тот самый день, когда кидали Жребий Имбала – отрубили королю голову и швырнули ее в толпу.

Я никогда прежде не слышал об этом странном обычае и, увидев, как прямо на меня летит что-то темное и круглое, не задумываясь, подставил руки. Затем, к ужасу своему, узнал, что, поймав окровавленную голову бывшего короля, сделался его преемником.

Как только выяснилось, что через пять лет и меня ждет та же участь, я стал искать возможности спастись. И бежать пытался, и слуг подкупал, даже пробовал убедить ксиларцев отменить проклятый закон. Под конец уж пить стал, думал от пьянства помереть. Все напрасно!

И вдруг я узнал, что побег возможен: доктор Карадур взялся все устроить при помощи своих чар в обмен на услугу, которую я должен был ему оказать. Я, конечно, понимал, что в случае удачи ксиларцы до конца дней не оставят меня в покое, из-под земли достанут: закон запрещает им избрание нового короля каким-либо иным способом, вот они и лезут из кожи вон, чтобы заполучить меня и восстановить привычный порядок.

– А если король умрет во время правления? – спросил Зерлик. – Если ты умрешь, что они станут делать?

– На эти случаи у них особые правила. Но ко мне они неприменимы: я еще не умер и пока не собираюсь. Короче, я знал, что, если побег удастся, мне предстоит всю жизнь прожить бродягой, и постарался получше подготовиться. Умение разыгрывать из себя не то, что ты есть, драться, мошенничать, плутовать в карты, воровать дается не так-то просто. В учителя я пригласил самых отъявленных воров и бродяг со всего королевства. Многое из их уроков мне очень пригодилось.

– Тебе нравится бродячая жизнь? – спросил Зерлик.

– Нет. Моя мечта – сделаться честным ремесленником или мастером. Можно земледельцем. Зарабатывать трудом, жить достойно, пусть и скромно, никому не мешать, растить детей и честно выполнять все свои обязанности – вот это по мне. Меня вполне устроило бы мирное существование бюргера, но оно ускользает от меня, словно конец радуги.

– Раз ты знал, что ксиларцы хотят поймать тебя, почему нанялся работать здесь, в Ире, так близко от Ксилара? Лучше бы перебрался куда-нибудь подальше, на Цолон или в Тарксию.

– У ксиларцев осталось кое-что ценное для меня. А именно – моя жена. Вот и держусь поближе к границе, поджидаю случая ее вызволить.

– Верно, та самая Эстрильдис, о которой говорится в письме Карадура?

Джориан сурово поглядел на Зерлика:

– Клянусь медным задом Имбала, ты, сударь мой, не слишком-то щепетилен насчет чужих писем!

– Но, Джориан, доктор Карадур сам просил меня выучить письмо наизусть на случай, если оно потеряется или разорвется.

– А! Тогда другое дело. Да, это моя жена.

– Вот как? Ну да, я слышал, в Новарии на редкость романтическое отношение к женщине. Когда имеешь несколько жен, как я, например, не станешь какую-нибудь одну женщину воспринимать слишком серьезно.

– У меня тоже было несколько жен, когда я был королем. В Ксиларе только королю разрешено многоженство, а подданным – нет. Надо думать, на юге сказывается влияние Мальваны или Пенембии. У меня их было пять, но эта последняя, я сам ее выбирал.

– Вот как? – Зерлик зевнул, прикрыв рот ладонью. – Мне трудно это понять: столько хлопот и риска из-за женщины, какой бы она ни была... Да они по существу все одинаковы.

– Мне так не кажется.

Зерлик пожал плечами:

– Зачем она тебе? Воздержание тебе, кажется, не грозит: в Новарии, я слышал, нет таких суровых законов, карающих блуд и нарушение супружеской верности, как, скажем, в Мальване. Может быть, эта женщина богата и ты хочешь владеть ее имуществом?

– Вовсе нет, она дочь фермера из Кортолии.

– Так что же, она необычайно красива?

– Пожалуй, тоже нет. Правда, она миленькая крошка с золотистыми волосами, как у швенки. Но довольно коренастая, и лодыжки толстоваты – знаток женской красоты непременно придрался бы. Речь не о том, Зерлик, я бы назвал это любовью.

– Да, и в наших краях это случается. Но у нас любовь считают несчастьем, чем-то вроде безумия. Из-за нее мужчины связываются с неподходящими женщинами и наживают себе только горе да неприятности. Чаще всего жен нам выбирают родители, прибегая к помощи свах, гороскопам и советам астрологов. Помоему, очень благоразумно.

– Моя любовь, милоч, не совсем то, как у вас ее понимают. Мне просто нравится Эст-рильдис, и ни с кем не бывает так хорошо, как с ней. Хочу, чтобы мы снова были вместе, покуда смерть не разлучит нас, вот и все.

– Что ж, желаю удачи. Но разве одна женщина не надоедает?

– Кому как. Твое хваленое многоженство мне тоже не пришлось по вкусу.

– Почему?

– А вот послушай, какие есть об этом стишки.

Иметь много жен я б врагу не желал:
Всей сворой они затевают скандал —
Брань, вопли, угрозы, сверкает кинжал.
Уж тут не надейся на мирный финал.
Гляди, как бы сам ты под нож не попал!
Жен больше одной ни к чему заводить,
А то они примутся хором нудить,
Одна за другой тараторить, зудить,
Выпрашивать тряпки и следом ходить,
Пока не сумеешь им всем угодить.
Судьба многоженца горька и трудна:
Все ночи бедняга проводит без сна,
В гареме закон: что ни ночь — то жена,
И если без ласки уйдет хоть одна,
В семье настоящая будет война!¹

– Кто это сочинил?

– Один скромный стихотворец по имени Джориан, сын Эвора. Это так, к слову, а по правде, мне вполне хватает одной женщины. Заполучить бы только ее назад, а там, глядишь,

---

¹ Перевод С. Мурзиной.

и будет у меня все, что нужно: одна жена, один дом, одно ремесло. – Джориан зевнул. – Пора спать. Нам подниматься на заре.

– Но тогда спать осталось меньше четырех часов!

– Да, а до Чемниса целый долгий день пути.

– Как? Ты хочешь добраться туда за один день?

– Конечно. Не забывай: те четверо улизнули, скоро ксиларцы снова нападут на мой след.

– Ты загонишь моих бедных лошадей!

– Едва ли. А если б и так, разве знатный господин вроде тебя не может позволить себе купить пару новых?

За Эвродиюмом дорога сворачивала на север и выходила на главную дорогу из Ира в Чемнис, самый крупный порт в республике, лежащий в устье реки Кьямос.

Когда колесница Зерлика загромыкала по прибрежной дороге, спеша туда, где у самой воды высился город Чемнис, вдалеке показались расплывчатые очертания мачт и рей, тянущиеся вдоль берега. Многие корабли были раньше, чем нужно, поставлены на зиму: частые нападения альгартийских пиратов препятствовали морскому судоходству.

На другой день после прибытия в Чемнис Джориан и его спутники отправились ранним утром на берег. Зерлик прихрамывал – не успел оправиться от бешеной гонки в колеснице по тряской дороге. Джориан ворчал:

– Когда я был королем, мы держали морских грабителей в узде. Я выстроил небольшой флот и сам им командовал. На юге – мы, на севере – цолонская флотилия, ни один пират не смел поднять флаг у западных берегов Новарии. Но как я сбежал, все пошло прахом – мои корабли жрут черви, а на Цолоне сменился первый адмирал, у теперешнего форма очень красивая, зато в море его не увидишь.

Лицо Зерлика делалось все мрачнее. Наконец он сказал:

– Господин Джориан, боюсь, что его величество, посылая меня с этим поручением, не рассчитывал на то, что мне перережут горло пираты.

– Боишься?

– Милостивый государь, я человек знатного рода и не привык сносить оскорбления!

– Не кипятись, дружок. Я ведь только спросил.

– Я не побоялся выпачкать кровью свой ятаган, защищая тебя от похитителей. Но пускаться вдвоем по морю в какой-нибудь утлой посудине мне кажется чистым безумием. Если нам на пути попадутся эти паршивые разбойники, мы и пикнуть не сможем.

Джориан нахмурился:

– Послушай, в Ираз корабли сейчас не ходят. Значит, надо купить свой или нанять... или вообще никуда не ехать. Нанимать, говорят, неразумно: владельцы требуют такую плату, что проще купить. И все же... в твоих опасениях есть некоторый смысл... А! Придумал! Мы прикинемся бедными рыбаками, возьмем с собой рыбы: вдруг придется показать...

На пристани они прочли объявление о продаже судов.

– Посмотрим. Вон там, верно, «Дивруния», рядом – «Летучая рыба», а «Псааниус» подальше.

Джориан отыскал судового маклера, имя которого как-то слышал. Маклер прошел с ними вдоль причала, показывая корабли. Когда осмотр был закончен, Джориан на время простился с маклером, и путешественники отправились обедать в портовую таверну.

– Думаю, самое подходящее судно – «Летучая рыба», – сказал Джориан за едой. – И цену можно здорово сбить, если нажать на господина Гаторикса.

– Эта грязная посудина?! – изумился Зердик. – Почему...

– Ты забываешь, дружок, мы должны быть похожи на бедных рыбаков. Поэтому красотки вроде «Диврунии», которую можно принять за королевский парусник, нам не годятся. Все должно соответствовать выбранной роли.

– Что и говорить, от «Летучей рыбы» действительно за версту несет рыбой. Но почему бы нам не взять военное судно? Скажем, вон ту ирианскую галеру – видишь, стоит там, подальше? На такой галере да с вооруженными гребцами нам были бы не страшны никакие разбойники.

– Во-первых, эти галеры – собственность Ирианской Республики, и я не думаю, чтоб Синдикат согласился продать такое судно. Во-вторых, на заключение сделки потребуются месяцы, и ксиларцы не заставят себя ждать, можешь поверить. И, в-третьих, есть у тебя с собой сто тысяч марок на покупку судна, да еще столько же, чтобы нанять гребцов?

– Хм. Но видишь, как я одет...

– Само собой, мы оденемся как положено в нашем новом звании. Так что за свой наряд не беспокойся.

Мы должны быть в лохмотьях и вонять рыбой.

– Хм...

– К тому же у «Летучей рыбы» отличный корпус и такелаж. Широковата, правда, большой скорости не набрать, да ничего, не подведет, доплывем куда надо. Поскорей доедай, пойдем-ка поищем господина Гаторикса.

Вновь встретившись с судовым маклером, Джориан сказал:

– Хотим еще раз взглянуть на «Летучую рыбу». С ценой только непонятно. Тысяча марок! На них можно было бы еще цолонскую трирему вдобавок прикупить.

Пару часов поторговавшись, они сошлись на шестистах пятидесяти марках.

– Видите, как быстро у нас сладилось, мастер Гаторикс, – сказал Джориан. – Само собой, в эту цену входят солнечный камень, карта, астролябия...

После небольшого спора Джориан расспросил маклера о предстоящем маршруте: ветрах, расстояниях, течениях. Гаторикс предупредил, что, даже если повезет с погодой, путешествие займет не меньше недели.

Джориан сделал подсчеты и послал Зерлика с Аиром закупать провизию и снаряжение. Вскоре они вернулись в сопровождении грузчиков, которые тащили кули с солью, галетами, солониной, яблоками и соленой рыбой, а также мешки с удочками, запасными крючками, рыболовной сетью и грубой, поношенной рыбацкой одеждой. Джориан тем временем продолжал спорить с Гаториксом.

– Вот уговариваю его включить в сделку и подзорную трубу, – объяснил Джориан. – А он хочет за нее лишних сто марок

– О великий Угролук! – вскричал Зерлик. – В Иразе лучшая труба в десять раз дешевле.

– Разумеется, – ответил Гаторикс, – ведь эту штуковину изобрели в Иразе, изготовили тоже у вас.

Поэтому и цена меньше.

Джориан поднес медную трубу к правому глазу и посмотрел на восток. Немного постояв молча, он вдруг резко защелкнул крышку и сказал изменившимся голосом:

– Заплати Гаториксу сто марок, Зерлик.

– Но...

– Никаких «но»! Забираем трубу, и хватит пререкаться!

– Но...

– И помоги мне отнести все это на судно. Живее!

– Судари мои! – изумился Гаторикс. – Да неужто вы в такую погоду выйдете в море?

– Ничего не поделаешь, – ответил Джориан. – Шевелись, Аир, ты тоже, Зерлик!

Минут через двадцать «Летучая рыба» отчалила и, покачиваясь, вышла в устье. Это было двухмачтовое судно с синим корпусом и желтыми треугольными парусами. Спереди возвышалась грот-мачта, бизань на корме была пониже. Сидя на банке за каютой, Джориан с Зерликом взмахивали веслами. Джориану приходилось работать с прохладцей, чтобы судно шло прямо.

Он во много раз превосходил Зерлика силой, и, приналяг он на весло как следует, «Летучая рыба» закружилась бы на одном месте.

Удручающе медленно судно удалялось от берега; Аир помахал с пристани рукой и отправился в сторону постоянного двора. Вода пенилась, покрытая зыбью, «Летучая рыба» подскакивала на волнах, и ровный западный ветер гнал ее к морю. На ясном голубом небе светило вечернее солнце.

– Надеюсь, он благополучно доберется до Пенембии, – с беспокойством заметил Зерлик; лицо юного иразца уже приобрело зеленоватый оттенок. – Он поноварски двух слов связать не может.

– Бедняга! Как я не догадался его подучить?

– Да речь не о нем! Я боюсь за колесницу и за моих чудесных лошадей. Слугу всегда можно найти нового.

Джориан пробурчал что-то себе под нос.

– Извини, – сказал Зерлик. – Я слышал, что у вас, в Новарии, многие с уважением относятся к людям низших сословий. Какие странные понятия! Однако мне следовало высказываться на этот счет поосторожнее. Почему мы не поднимаем паруса?

– Сперва надо отойти подальше от подветренного берега. А то ветер с моря погонит нас назад. Чего доброго, на мель сядем!

Какое-то время путешественники гребли молча.

Затем Зерлик сказал:

– Дай минутку отдохнуть. У меня больше нет сил.

– Ладно. На каком языке говорят в Пенембии?

– На пенембийском, разумеется.

– Он похож на федиранский? Я неплохо его знаю. А еще мальванский и швенский.

– Нет, пенембийский не похож ни на один язык, по крайней мере из известных. Правда, в нем немало слов, пришедших из федиранского и новарского. Наша правящая династия, видишь ли, своим происхождением отчасти обязана федиранцам: король Джуктар был в Федиране вождем кочевников. Город был основан еще раньше одним бродягой из Новарии, он и положил начало династии. Однако пенембийский язык куда яснее и логичнее бесчисленных новарских диалектов. У нас многие говорят по-федирански: это культовый язык, на нем обращаются к главному богу Угролуку.

– Ты должен научить меня пенембийскому.

– С удовольствием. Может быть, отвлекусь и забуду об этой рыбной вони. Скажи, почему ты согласился на непомерную цену, что назначил Гаторикс за подзорную трубу? И почему так заспешил?

Джориан усмехнулся:

– Увидел в трубу всадников, несущихся во всю прыть по дороге вдоль Кьямоса. Конечно, их было еле видно, но уж очень похожи на ксиларскую стражу... Ну-ка! – Джориан достал с полки подзорную трубу и направил ее в сторону берега. – Клянусь костяными сосцами Астис, эти негодяи уже на пристани!

– Дай посмотреть, – попросил Зерлик.

В подзорную трубу был виден берег, а на нем выделялась группа людей, одетых в черное: один держал под уздцы лошадей, остальные разговаривали с чемнизянами. И те и другие оживленно жестикулировали.

– Будем надеяться, им не дадут баркаса, – пробурчал Джориан, – а то как бы они не вышли в море вслед за нами. Восемь весел против двух – нам не уйти! Налегай, Зерлик!

Через минуту-другую Зерлик спросил:

– А теперь нельзя поднять паруса?

– Поднимем, но очень-то на них не надейся. Ветер к берегу, выходить в море придется галсами, да еще, может, нос начнет задираться, кто знает эту посудину! Дай-ка трубу. Три тысячи чертей, они уже раздобыли баркас и отчаливают! Ну, теперь держись!

II

«Летучая рыба»

- Нужно поскорей поднять паруса, – сказал Джориан.
- Как это делается? – спросил Зерлик. – Я никогда не ходил под парусом.
- Сперва встанем против ветра.

Сделав несколько мощных гребков, Джориан развернул судно носом на запад. Волны теперь били в нос корабля, началась сильная качка. Джориан втащил на борт свое весло.

– Подгребай, чтобы не развернулось, – сказал он. – А я займусь парусами... Тьфу, дерьмо собачье!

- Что случилось?
- Забыл, что паруса завернуты.
- Я думал, ты хорошо знаком с морским делом.
- Помолчи, дай подумать!

Джориан взялся за бизань-парус и быстро размотал веревку.

- Моя жизнь тоже под угрозой, – мрачно произнес Зерлик.
- За свою драгоценную жизнь можешь не дрожать. Им нужен я, а не ты.
- Если дойдет до схватки, они не будут особенно разбираться...

Джориан вытягивал в этот момент гардель и отвечать не стал. Рей рывками пошел вверх. Желтый парус зашумел и захлопал, наполнившись ветром.

- Держи против ветра! – крикнул Джориан.
- Может, пойдем с одним парусом?
- Он слишком далеко от центра, корабль все время будет вставать по ветру.
- Я во всех этих хитростях ничего не смыслю. Вон наши преследователи!

Черный баркас, в котором на веслах сидели восемь человек, был уже на полпути от пристани к «Летучей рыбе».

- Почему ты не установил сперва большой передний парус?
- Паруса надо подымать, начиная с кормы. Если начать с того, что ближе к носу, ветер подхватит парус и унесет судно, вот и поплывем по течению прямо в лапы к ксиларцам. Понял?

Джориан закрепил гардель и стал пробираться к грот-мачте. Вдруг Зерлик услышал яростный вопль.

- Что на этот раз? – спросил он.
- Пусть вся нечистая сила свалится на голову сволочи, которая завязала этот парус! Дьявольски тугой узел, да его еще и не видно!
- Поторопись, а то ксиларцы скоро будут здесь.
- Преследователи уже приблизились настолько, что можно было разглядеть их лица.
- Я делаю все, что могу. Замолчи и следи за носом.

Рей грот-паруса, обернутый брезентом, торчал за бортом впереди судна, а скрепляющий веревочную обмотку узел находился на самом конце рея. Растопырившись, словно ящерица, Джориан повис за бортом – левой рукой держась, чтобы не упасть, ногами упирался в якорь, а свободной рукой ощупывал конец рея. Развязать тугой узел одной рукой непросто, даже когда его видишь, не говоря уж о том, когда трудишься вслепую.

Ветер крепчал, волны на реке становились все выше. С каждым ударом о борт «Летучая рыба» подскакивала, словно лошадь, берущая препятствие. Оказавшись на гребне волны, лодка шумно плюхалась вниз.

Джориана тоже кидало вверх и вниз, каждый раз на восемьдесят футов, держаться за рей делалось все труднее. Предзакатное солнце позолотило волны со стороны моря, и их блеск слепил Джориану глаза, будто пламя печи.

Баркас приближался. Ксиларцы находились теперь на расстоянии выстрела из лука, но Джориан был уверен: стрелять они не станут. Во-первых, стрелы унесет ветром; во-вторых, он нужен им живым.

– Проклятие! – вскричал Джориан; с него сорвало шляпу; мягко опустившись на воду, она отважно отправилась в путь по волнам.

– Джориан! – крикнул Зерлик. – Они аркан готовят.

Когда пропала всякая надежда, узел вдруг ослабился в скрюченных от напряжения пальцах Джориана. Черный баркас преследователей был уже, можно сказать, на расстоянии плевка. Узел сдался окончательно. Лихорадочными движениями Джориан размотал веревку, скомкал брезент и зашвырнул его подальше назад, угодив прямо в Зерлика. Ткань обвила юношу с головы до ног, словно питон. Стараясь высвободиться, Зерлик выпустил из рук весло.

– Держи против ветра! – заорал Джориан, выбирая гардель.

Зерлик быстро сложил брезент и вновь взялся за весло.

– Берегись, петля! – крикнул он Джориану.

Ксиларец бросил аркан, но неудачно: веревка скрылась в синих бушующих волнах. Желтый грот-парус взмыл вверх. Его подхватил ветер, и лодку сильно качнуло.

– Начинай табанить! – велел Джориан.

– Что это значит?

– О великие боги! Гребни, заворачивай направо, дурак!

Зерлик завязил весло, но в конце концов сумел сделать как надо. Судно развернулось и под оглушительное хлопанье парусов двинулось левым галсом. Накренившись вправо, «Летучая рыба» быстро набирала скорость.

С трудом перебравшись на корму, Джориан увидел, что ксиларец снова раскручивает над головой аркан. Черный капюшон упал с его головы, и оказалось, что у него длинные, пшеничного цвета волосы. «Верно, кочевник из швенских степей», – подумал Джориан. В Ксиларе любили брать в королевскую стражу северян: они умели кидать лассо, а ведь главной обязанностью стражников было не охранять короля, а препятствовать его побегу и ловить живым, если вдруг убежит.

На этот раз докинуть петлю до Джориана было легко. Он бросился к кубрику.

– Весло на борт! – скомандовал он. – И возьми меня сзади за ремень.

– Зачем?

– Делай, как говорят.

Зерлик со стуком убрал весло. Джориан поднялся в кубрике в полный рост, одной рукой он держался за бакштаг, а другой показал ксиларцам «нос». Зерлик ухватился сзади за его ремень. Ксиларец поставил ногу на планшир, готовясь кидать аркан.

Подхваченная ветром, петля закружилась в воздухе и опустилась прямо на плечи Джориану. Тот обеими руками схватился за веревку и дернул изо всех сил. Зерлик одновременно потянул за ремень. Плюх! Не ожидавший рывка ксиларец очутился за бортом.

Раздались крики ярости и смятения, преследователи перестали грести. Те, что были ближе к упавшему, поднялись и протянули ему весла. Один от излишнего усердия угодил бедняге по голове. Голова исчезла, но вскоре снова появилась на поверхности.

«Летучая рыба» шла все быстрее, Джориан сидел, пригнувшись, в кубрике, одной рукой держась за румпель, другой сматывал веревку.

– Веревка на корабле никогда не лишняя, – сказал он, весело подмигнув Зерлику.

Баркас остался далеко позади, пока ксиларцы выуживали своего промокшего товарища.

– Теперь мы в безопасности? – спросил Зерлик.

– Почем знать? На этом галсе идем неплохо. Посмотрим, как наша «Рыба» меняет галс и как пойдет, когда перевернем паруса.

– Как это – перевернем?

Джориан растолковал ему, в чем особенности треугольных парусов и какие могут возникнуть сложности, когда при смене галса разворачиваешь рей в подветренную сторону. Джориан с тревогой поглядел вперед, дальний берег устья виднелся все отчетливее: длинная зеленая полоса, одни леса да болота и лишь кое-где вкрапления деревень и злаковых полей.

– Перебирайся вперед, Зерлик, и следи за глубиной. Нам сейчас только на мель сесть не хватало.

– Как мне следить?

– Смотри вниз, а как покажется, что видишь дно, кричи.

Через какое-то время Джориан, зычным криком предупредив Зерлика, резко повернул румпель и повел «Летучую рыбу» на правый галс. Маленькое судно хорошо слушалось капитана и на новом галсе шло не хуже, чем на предыдущем.

– Ксиларцы еще не сдались, Джориан, – предупредил Зерлик. – Они идут наперерез.

Джориан прищурился. Борясь со встречным ветром, преследователи медленно двигались в сторону моря. «Летучая рыба» мчалась куда быстрее баркаса, но курс ее диктовался направлением ветра, и два судна неизбежно должны были встретиться.

– Может, снова свернем, пока не подошли к ним, – предложил Зерлик.

– Можно, но они все равно окажутся южнее. Выйдут в море и перехватят нас на следующем галсе. У меня есть план получше.

В глазах у Джориана появился недобрый блеск; он вел судно, не меняя курса. Баркас был все ближе.

– А теперь, – сказал Джориан, – возьми рупор, пройди на нос и крикни, что мы собираемся использовать свое право пройти первыми. Пускай посторонятся, если не хотят разлететься в щепки!

– Джориан! Если мы столкнемся, разобьются оба судна!

– Делай, что говорю!

Зерлик кивнул, прошел вперед и выкрикнул то, что ему было велено. Ксиларцы повернули головы к «Летучей рыбе», которая стремглав неслась прямо на них. На баркасе произошло оживление, кое-кто из преследователей приготовил сети и лассо. Рыбачья лодка летела, не сворачивая.

– Умеешь плавать, Зерлик? – спросил Джориан.

– Немного, но до берега не доплыву! О боги, Джориан, ты и впрямь хочешь в них врезаться?

– Увидишь. Предупреди их еще раз.

В последнюю минуту на баркасе спохватились. Принялись грести назад, так что вода вокруг весел забурлила. «Летучая рыба» пронеслась совсем близко, и баркас отбросило в кильватер. Один ксиларец поднялся и стал грозить кулаком, но товарищи силой усадили его на место.

– Уф! – вырвалось у Зерлика. – Ты бы правда на них налетел?

Джориан усмехнулся:

– Чего не знаю, того не знаю. Запас был; если что, могли бы увернуться. По крайней мере, теперь можно выкинуть их из головы и плыть спокойно, если не помешают шторма, штили, морские чудовища и пираты. А теперь, извини, я помолюсь Псаану, чтобы отвел от нас эти напасти.

Наступила ночь, но ветер не унимался. Зерлик сидел, повесив голову, и стонал: пища, съеденная за обедом, давно отправилась за борт, и ужинать он был не в состоянии.

– Как ты можешь? – Он с отвращением глядел, как Джориан, не отрывая руку от румпеля, уписывает довольно сытный ужин. – Ты ешь за двоих.

Джориан надкусил яблоко, прожевал и ответил:

– Раньше и меня в море тошнило. Во время первого похода против пиратов, когда я был королем Ксилара, я просто подыхал от морской болезни. Как тот парень из оперетки Галибена и Сильферио «Славная девочка с корабля». Помнишь, он поет: «Я капитан пиратов бравый»?

– Не слышал. Спой, пожалуйста.

– Попробую, хоть вокальному искусству не обучался: времени не было.

И Джориан запел густым басом, слегка фальшивя:

– Я капитан пиратов бравый.
Колю и режу для забавы,
Горжусь своей лихою славой
И денежки коплю, эх!
И как бы ветры ни свистели,
И как бы мачты ни скрипели,
Не глядя обойду все мели,
Свой бриг не загублю, эх!
Пускай я в золоте купаюсь,
Но даже другу не признаюсь,
Что от морской болезни маюсь
И качки не терплю... эх!²

– Недурно, – заметил Зерлик. – Надо бы разучить, а то я не знаю ни одной новарской песни.

Он затянул начало тоненько, но очень чисто.

– Ты прекрасно поешь, не то что я, – сказал Джориан, когда Зерлик с его помощью закончил последний куплет.

– У нас человек из знатной семьи непременно должен это уметь... А как ты справился с морской болезнью?

– Да так, спасибо Псаану...

– Спасибо кому?

– Псаану, поварскому богу морей. Организм как-то приспособился, и больше меня не тошнило. Может, и ты привыкнешь. Да, кстати, в Иразе что-нибудь знают о моем... бурном прошлом?

– Насколько мне известно, нет.

– Как же ты о нем узнал?

– От доктора Карадура. Он сказал, что ты был королем Ксилара, а потом вы вместе путешествовали в Мальвану и Швению. Это чтобы мне легче было тебя найти. Он взял с меня слово держать все в тайне.

– Карадур молодец! Умный старик, хоть иногда и бывает рассеянным. Знаешь что: когда мы доберемся до твоей родины, помалкивай насчет Ксилара и всего прочего. Никому ни слова. Хочу, чтобы меня считали просто почтенным мастером. Понял?

– Да, сударь.

– Тогда иди сюда и возмись за румпель. Скоро уж, верно, час Совы, мне надо немного поспать.

---

² Перевод С. Мурзиной.

– Можно подвести лодку поближе к берегу? Я плохо вижу землю. Страшно, когда кругом одна вода.

Зерлик показал рукой на восток, где между залитым луной небом и его отражением в море темнела полоса ксиларских земель. Волны дробили лунный свет на тысячи серебристых блесков, отделяющих «Летучую рыбу» от берега.

– О боги, нет! – воскликнул Джориан. – Это же подветренный берег, и чей! Пусть лучше кругом будет побольше воды. Старайся не менять расстояния, оно в самый раз, а если что случится, буди меня.

На другой день продолжал дуть западный ветер, по ярко-синему небу неслись маленькие, словно ватные, облака. Зерлик все еще жаловался на головную боль, однако собрался с силами и немного поел. Джориан, по-пиратски обвязавший голову платком взамен улетевшей шляпы, взялся за румпель. Управляя «Летучей рыбой», он расспрашивал Зерлика о пенембийском языке. Объяснения длились около часа, и вдруг Джориан хлопнул себя по лбу рукой.

– О великие боги! – воскликнул он. – Ну и язык! И как он дается бедным пенембийским детям? Я могу понять, когда в языке есть изъявительное, вопросительное, повелительное, условное и сослагательное наклонения. Но когда к ним еще добавляются желательное, причинное, сомнительное, сообщительное, ускорительное, описательное, протяженное и...

– Ну конечно, мой дорогой Джориан! В этом и состоит, как мы считаем, превосходство нашего языка над всеми прочими. На нем можно точнее выразить, что думаешь. Вернемся хотя бы к совершенному сообщительному аористу глагола «спать». По-новарски было бы: «Говорят, что я имел привычку спать». А пенембийцам достаточно одного-единственного слова...

– Одного-единственного с пятьюдесятью тремя суфф иксами! – проворчал Джориан. А погода прибавил: – Может, мне лучше затвердить самые необходимые фразы вроде «Здравствуйте» и «Сколько это стоит?»? Я всегда считал, что у меня есть способность к языкам, но от вашей грамматики просто голова идет кругом.

– Напрасно. Стоит лишь заучить правила и не забывать о них, тогда будешь говорить без ошибок. И никаких отклонений и исключений, от которых с ума можно сойти, когда учишь новарский.

К полудню ветер ослабел, волны стали утихать. Зерлик чувствовал себя лучше, он ходил по судну, разглядывая рангоуты, лини и прочие снасти.

– Скоро я стану настоящим моряком! – воскликнул он в порыве воодушевления.

Стоя на планшире напротив бизань-мачты, Зерлик вдруг запел песенку из «Славной девочки с корабля». Последнее «эх!» он сопровождал эффектным жестом, для чего оторвал руку от мачты, перестав держаться. В этот миг набежала большая волна, и «Летучая рыба» накренилась. С испуганным криком Зерлик полетел в воду.

– А, раздави тебя медный зад Вэзуса! – вскричал Джориан, круто поворачивая румпель.

«Летучая рыба» развернулась против ветра и потеряла скорость. Джориан подобрал веревку, отнятую у ксиларцев, привязал конец к планке и швырнул моток Зерлику – его голова то показывалась на поверхности, то снова исчезала, накрытая волной.

Веревку пришлось кидать снова. Только на третий раз Зерлику удалось за нее уцепиться. Джориан схватил его за куртку и перетаскил через корму. На Зерлика, скрючившегося на дне лодки, было жалко смотреть: его рвало, он кашлял, плевался, чихал. А Джориан приговаривал:

– Теперь будешь знать, что на корабле все время нужно за что-нибудь держаться, если ты не в кубрике. Запомни правило: одна рука принадлежит тебе, другая – кораблю.

– Хрип, – послышалось в ответ.

Ветер стихал. Солнце село за полосу тумана, которую принесло с моря.

– Мы заштитеем в этом тумане, – сказал Джориан, – надо плыть к берегу да причаливать.

Через час, когда первые завитки тумана поползли мимо «Летучей рыбы», Джориан сбросил якорь и убрал паруса. Ветра не стало. Волны превратились в легкую матовую зыбь, на кото-

рой плавно покачивалась «Летучая рыба». Джориан с Зерликом при помощи губки и ведра убирали из лодки воду.

Когда не стало дневного света, наступила кромешная темнота: луна в эту ночь долго не появлялась. Джориан зажег небольшой фонарик. Устав от языковых упражнений, приятели сели за карты. Джориан выиграл несколько марок.

– Никогда не блефуй больше раза за игру, – посоветовал он. – Кто будет дежурить первым? Хочешь, я?

– Нет. Я все равно не усну: столько соленой воды наглotalся!

Джориан проспал недолго.

– Какие-то звуки! – шепотом сообщил Зерлик.

Зевая и потирая глаза, Джориан выбрался из каюты. Туман приобрел жемчужно-матовый блеск, это значило, что взошла луна. На море было тихо, как в заводи. Джориан не смог бы сказать теперь, где запад, где восток.

Откуда-то доносился глухой размеренный стук.

Джориан прислушался.

– Весла галеры, – решил он.

– Чьей галеры?

Джориан пожал плечами:

– Может, ирианской, может, ксиларской, а может, альгартийских пиратов.

– Что делать ирианцам или ксиларцам в такой темноте?

– Не знаю. И у тех и у других морские дела сейчас идут худо. В Ире из-за жадности Синдиката, который не хочет раскошелиться на поддержку флота. А в Ксиларе меня не хватает, некому за них как следует взяться. Выходит, что корабли обоих государств мирно стоят у пристани, а значит, стучат пиратские весла.

– Альгартийцы, верно, боятся сесть на мель не меньше нашего.

– У них есть колдуны, которые издали чуют скалы и мели и предупреждают об опасности. Они угадывают приближение штормов и туманов. Давай-ка помолчим, а то, не ровен час, услышат.

– Благородный пенембиец, – заявил Зерлик, – не допустит, чтобы какие-то мерзавцы заставили его молчать.

– Прибереги свои рыцарские замашки до другого раза, когда будешь один. А сейчас моя жизнь тоже под угрозой, как ты вчера выразился. Я не пенембиец, притом не особенно благороден, и считаю, что отсидеться сейчас куда важнее, чем вылезти со своей храбростью.

Так что закрой рот.

– Не смей так со мной разговаривать... – возмущенно начал Зерлик, но Джориан взглянул на него свирепо, и тот притих.

Стук весел делался все громче. Стал слышен и другой стук – судя по всему, барабана, к ним примешивались плеск воды и невнятные обрывки разговора. Джориан настороженно вслушивался.

– Не пойму, на каком языке, – прошептал он.

Звуки стали стихать, потом совсем исчезли.

– Теперь можно говорить? – спросил Зерлик.

– Пожалуй.

– Если эти альгартийские мудрецы умеют предсказывать погоду, почему они не могут ею управлять?

– Знать – одно, действовать – другое. Правда, некоторые колдуны пробуют управлять ветрами и волнами. Бывает, выходит, бывает, нет. Взять хотя бы историю с королем Фузиньяном и приливом.

– Что за история?

Джориан уселся поудобнее:

– Фузиньян был когда-то королем у меня на родине, в Кортолии. Сын Филомена Доброхота, а самого его звали Фузиньяном Лисом; он был небольшого роста, проворный, смекалистый.

Однажды король Фузиньян пригласил самых важных придворных на пикник, который должен был состояться на пляже в Сигруме, в нескольких лье от горо да Кортолии. Это прекрасное место – волны Срединного моря плещут на серебристый песок. Для пикника лучше не придумать, а также для купания и прочих развлечений. Пляж длинной дугой огибает подножие невысокого холма. Туда и отправился король вместе со своими детьми, прекрасной королевой Дэнудой и главными чиновниками государства, тоже с женами и детьми.

Среди гостей был некий Форвиль, дальний родственник короля, в те времена занимавший пост хранителя королевской картинной галереи – должность, прямо скажем, непыльная. Ленивого толстяка Форвиля все, включая короля, считали безобидным ничтожеством. На самом же деле он имел виды на королевский трон и в то время уже начал плести интриги.

Однако в присутствии Фузиньяна достопочтенный Форвиль был полон вкрадчивой угодливости. На этот раз он превзошел самого себя.

«Ваше величество, – сказал он, – слуги расставили столы и стулья для пикника там, где нас затопит приливом».

«Затопит? – задумался Фузиньян, оглянувшись на море. – Пожалуй, ты прав, клянусь Зеватасом! Я прикажу перенести все повыше».

«О нет, сир, в этом нет нужды, – возразил Форвиль. – Могущество вашей светлости безгранично: стоит вам только повелеть приливу остановиться, и он не посмеет ослушаться».

Приливы на Срединном море, надо сказать, слабее здешних, но это не помешало бы компании, расположившейся для пикника не там, где надо, выкупаться с головы до ног.

«Не болтай глупостей», – ответил Фузиньян и собрался распорядиться насчет столов и стульев.

«Но, сир, – упорствовал Форвиль, – это же ясно как день. Можете мне не верить, но прикажите морю – и сами увидите».

«Ладно, черт с тобой, – с досадой сказал Фузиньян, который подозревал, что Форвиль хочет выставить его дураком. – Заодно убедишься, какой вздор плетешь».

Фузиньян поднялся и, поведив перед собой руками, как это делают фокусники, произнес: Сим-сим, замри-застынь, Вода, на нас не хлынь.

Затем снова принялся за еду со словами: «Если мы вымокнем, ты, Форвиль, заплатишь за испорченную одежду».

Гости оставались на своих местах, но все чувствовали напряжение: замочить дорогой наряд никому не хотелось, а сбежать значило проявить неуважение к королю, который, судя по всему, готов был не моргнув глазом встретить прилив. Какое-то время все шло без изменений, пикник близился к концу, подали сладкие вина.

Но в положенный час прилив почему-то не наступил. Собравшиеся тайком поглядывали на карманные часы, друг на друга и – с растущим благоговением – на маленького веселого короля, который ел, пил и, казалось, знать ничего не желал. Наконец ни у кого не осталось сомнений, что привычный ход вещей нарушен и прилива не будет. Толстая физиономия Форвиля побелела, словно гипсовая маска, он не отрываясь глядел на короля.

Фузиньян тоже был встревожен произошедшим: онто отлично знал, что настоящих колдовских заклинаний не произносил, нечистой силы тоже не призывал, что же тогда остановило прилив? Пока он ломал себе голову – виду, впрочем, не показывая, – к нему подошел сын и тихо сказал: «Папа, там, на холме, какая-то дама, вот просила передать».

Фузиньян увидел, что записка от ведьмы Гло; она жила на холмах Южной Кортолии и давно уже хотела получить должность главной волшебницы королевства. А сама не имела даже

официального разрешения на колдовство, потому что никак не могла поладить с королевским Комитетом по делам торговли и лицензиям. И вот колдунья без приглашения явилась на пикник, надеясь уговорить Фузиньяна вмешаться в ее тяжбу с бюрократами. Сверхъестественные возможности Гло помогли ей подслушать разговор Фузиньяна с Форвилем, и она решила не упускать случая: спряталась в лесу неподалеку от берега и, пустив в ход свои самые могущественные чары, удержала прилив.

Возможности Гло, как и всех существ из плоти и крови, были ограничены. Около часа она сдерживала наступление прилива, но потом почувствовала, что власть ее слабеет. Тогда ведьма быстренько нацарапала записку и подозвала к себе маленького принца, игравшего с другими детьми в салки на склоне холма. Вот что она написала: «Его Величеству от Гло. Сир, волшебство теряет силу, вода сейчас нахлынет. Перебирайтесь повыше».

Фузиньян понял, что произошло. Но, расскажи он правду, исчез бы весь эффект и Форвиль почувствовал бы себя победителем. Король поднялся с места.

«Друзья мои! – сказал он. – Что-то мы засиделись, излишества в еде и питье вредят здоровью. Надо слегка размяться: я решил устроить состязания – бег наперегонки отсюда до вершины вот этого холма. Будет три забега. Первый – дети моложе тринадцати лет, победитель получит пони из королевской конюшни. Второй – дамы, призом будет серебряная диадема из королевской сокровищницы. И третий – мужской, тому, кто прибежит первым, достанется арбалет с королевского оружейного склада. Предупреждаю, что в третьем забеге я сам приму участие. Конечно, смешно было бы присуждать приз самому себе, поэтому если я выиграю, то пожалую его тому, кто придет вторым. Дети, построились! На старт, внимание, марш!»

Дети сорвались с места и, сбившись в кучу, с визгом умчались.

«Барышни, построились! – скомандовал король. – Подолы приподнимите, иначе до вершины год будете ползти. На старт, внимание, марш! Теперь вы, господа...»

Та же сцена была разыграна в третий раз.

Тут Зерлик спросил:

– Придворные, верно, старались бежать помедленнее, раз в состязании участвовал король?

– Король королю рознь. С Фузиньяном этот номер не прошел бы, все знали, что он настоящий спортсмен и ужасно разозлился бы, заметив, что его соперники нарочно придерживают шаг. Поэтому все бежали в полную силу. Фузиньян, очень подвижный и выносливый, и впрямь добежал до вершины холма первым из мужчин. Бедняга Форвиль еле доковылял, пыхтя, до подножия, и тут на берег хлынул прилив, толстяка сбilo с ног, перевернуло, он чуть было не потонул, да подоспели слуги, вытащили его из воды.

Фузиньян отрицал свою причастность к тому, что произошло с приливом. Говорил, что причиной послужила, вероятно, вибрация луны и что-нибудь в этом роде. Но подданные не верили объяснениям короля и трепетали перед ним больше, чем прежде.

– Он вознаградил колдунью?

– Нет. Сказал, что она действовала без разрешения... и, кроме того, в какое положение его поставила! Пришлось здорово пошевелить мозгами, чтобы придумать, как выкрутиться. Да еще пятки стали чесаться после этого бега. Зуд не прекращался, и король решил, что эту напасть тоже наслала на него Гло при помощи черной магии. Но доказательств не было, а потом главному волшебнику, доктору Агосу, удалось вылечить зуд.

– А что достопочтенный Форвиль?

– После событий на берегу у Фузиньяна появились сильные подозрения насчет родственника. Король стал думать, как бы отбить у Форвиля охоту вертеться при дворе и строить козни, и придумал хитроумнейший способ, на то он был Фузиньяном Лисом! Расхвалив Форвиля за глубокие познания в искусстве, король пригласил его к себе во дворец послушать собственную игру на волынке.

«Благодаря твоим тонким замечаниям, – сказал король, – я скоро стану лучшим музыкантом в Новарии».

Посидев с Фузиньяном три дня, Форвиль вдруг, если можно так выразиться, ударился в религию и сделался жрецом богини Астис. С той поры обязанности священнослужителя самым законным образом избавляли его от необходимости слушать завывания королевского инструмента. Короче, он выбрал из двух зол меньшее, и с интригами было покончено.

После восхода солнца туман стал понемногу рассеиваться. С берега подул легкий ветерок. Туман распался на отдельные хлопья, а потом и вовсе улетучился; ярко засветило солнце. Джориан поднял якорь, взмыли вверх желтые паруса, вскоре «Летучая рыба» была далеко от берега.

– Как удачно, – заметил Зерлик. – Мы снова в море, и ветер несет нас, куда надо. Ты молился своему Псаану?

Джориан покачал головой:

– Не нравится мне это. Обычный бриз начинает дуть ночью и на рассвете несет в море каботажные суда и рыбацьи баркасы. А этот ветерок с востока... уж не тот ли самый, что предвещает шторм?.. Вот холера! Видишь корабли по правому борту?

Зерлик выглянул из-за бизань-паруса:

– Да, верно! Один – парусник, второй вроде бы похож на галеру, но тоже под парусом.

– Подержи румпель.

Джориан достал подзорную трубу и разглядел корабли, которые быстро двигались в направлении «Летучей рыбы».

– Чтoб мне, идиоту, яйца оторвало! Проворонил! Другой бы уж давным-давно заметил верхушки мачт.

А теперь они нас увидели.

– Пираты?

– Никакого сомнения. Видишь голубое? Это альгартийский флаг.

– Может, удастся уйти?

– А, проклятие! Поздно. Если б я знал здешние воды, спрятались бы, где помельче, и им не пройти. Но я здесь ничего не знаю. Будь с нами Карадур, он бы заколдовал нас – сделал «Летучую рыбу» невидимкой или превратил в морскую скалу. Но Карадур далеко.

– Почему же Двенадцать Городов не объединятся, чтобы положить конец этому безобразию?

– Города слишком заняты собственными распрями, нанимают пиратов, чтобы гадить один другому. Несколько лет назад, когда в Ксиларе правил король Тонко, ирианский Синдикат нанял цолонскую флотилию, чтобы извести разбойников. Но новарцы принялись за старое, и пираты тут как тут, будто не исчезали.

– Вам нужен один полновластный правитель вроде нашего короля. А что будет, если они нас остановят?

– Мы бедные рыбаки, ты не забыл? Закинь удочку и лови рыбу.

Суда подошли уже совсем близко, и их можно было разглядеть во всех подробностях. Одно представляло собой карак, прежде служивший купцам для перевозки товаров. Второе – галеру, на которой когда-то было два ряда весел, но после нижние отверстия законопатили, что, видимо, позволяло выходить на судне в любую погоду. Весла были убраны, но вот несколько штук высунулось с обеих сторон из верхних отверстий, чтобы ускорить ход галеры.

– Ни за что не буду, – заартачился Зерлик.

Джориан обернулся к нему, недоуменно нахмурившись:

– Что не будешь?

– Притворяться бедным рыбаком! С тобой я только и делаю, что убегая да прячусь. Надоело! Брошу вызов этим негодям, тогда посмотрим, кто кого.

– Угомонись, идиот! Ты что, собрался воевать с целой пиратской бандой?

– Наплевать! – Зерлик кипятился все больше. – По крайней мере, двумя или тремя гадами станет меньше!

Он нырнул в каюту и появился оттуда с ятаганом в руках. Снял с оружия чехол из непромокаемой ткани, вытащил саблю из ножен и стал размахивать ею, как бы угрожая подплывающим кораблям. Джориану пришлось нагнуться, чтобы юноша не поранил его ненароком.

– Ну-ну, сюда! – вопил Зерлик. – Вызываю вас на бой! Подходите, и вы узнаете, что такое сабля в руках аристократа из...

Он умолк, сбитый с ног тяжелым ударом; ятаган, звякнув, упал на дно рядом с ним. Это Джориан стукнул его по голове рукояткой кинжала – на конце рукоятки был тяжелый свинцовый шарик. Затем он закрепил руль, спрятал подальше ятаган, вставив его в ножны, вытащил рыболовные снасти и закинул лесу за корму.

– Стой! – закричали в рупор из кубрика на носу галеры.

Удочка дернулась в руках у Джориана – видимо, клюнуло. Он рванул ее на себя и почувствовал, как на глубине что-то дрогнуло и с силой потянуло.

– Остановись, говорю! – закричали с галеры. – Собьем же, ты этого добиваешься?

– Не видишь, что ли, у меня клюет? – заорал Джориан, изо всех сил удерживая удочку.

С галеры донесся шум, там оживленно спорили. Какой-то альгартиец, заядлый рыболов, настаивал на том, чтобы дать Джориану вытащить добычу, а уж потом ограбить его. По правому борту начали табанить, галера развернулась. Пираты убрали парус и двинулись параллельно «Летучей рыбе», отставая шагов на двадцать. Карак под парусом тоже шел следом, но далеко позади.

Джориан вытащил скумбрию. Он бросил рыбину в кубрик и, оставив ее биться о днище возле лежащего без сознания Зерлика, развернул судно против ветра.

– Как ваше здоровье, судари мои? Чего изволите? – заговорил он на западносиларском сельском диалекте. – Рыбки купить не желаете? Видали, какую красавицу вытянул? Свеженькая. А еще в бочке засоленных с дюжину, а то и поболее, которой желаете?

На галере снова послышались голоса. Пират, державший рупор, выкрикнул:

– Мы берем твою рыбу, господин рыболов!

Галера подошла вплотную к «Летучей рыбе».

– А что это за парень лежит там, на днище? Что с ним? – спросил все тот же пират с рупором.

– А, этот бедолага? Мой племянник. Налакался, бездельник, еще на берегу, а закусить нечем было.

С той поры и валяется. Ничего, через часок отойдет.

С галеры спустили на веревке корзину. Джориан сунул туда свежую скумбрию, а сверху наложил соленой рыбы из бочки; пираты тем временем работали отпорными крючьями, чтобы суда не столкнулись. Корзину подняли на борт галеры.

– Теперь насчет платы... – начал Джориан.

Пират с рупором ухмыльнулся, перегнувшись через фальшборт:

– А насчет этого? Ты получишь кое-что получше денег.

– Да? Что, к примеру?

– Жизнь. Бывай, господин рыболов. Отваливай.

Джориан сидел, зло нахмурившись и беззвучно бормоча себе под нос ругательства. Пираты отходили на веслах; когда вдаль взметнулся парус галеры, сердитая мина Джориана сменилась улыбкой, он положил румпель вправо, и маленькое суденышко, которое отнесло береговым ветром немного назад, развернулось по часовой стрелке. Паруса наполнились ветром, и «Летучая рыба» продолжала путь на юг. Зерлик пошевелился, застонал и кое-как вскарабкался на сиденье.

– Чем ты меня ударил? – спросил он.

Джориан отцепил от ремня нож:

– Видишь! Чтобы выскочило лезвие, надо нажать на кнопку. А так чем не дубинка? Держишь за ножны и бьешь свинцовой головкой. У меня был такой ножик пару лет назад, когда я путешествовал с Карадуром. Потом потерялся, было очень жаль, и я заказал другой по типу того, пропавшего. Полезная штука: бывает же, что надо не зарезать, а просто удержать кого-нибудь от дурацкого поступка. Скажем, захочет кто-нибудь подставить мою глотку под пиратский нож, только чтоб похвастаться своей доблестью и отвагой...

– Наглец! Невежа! Я еще с тобой расквитаюсь.

– Прибереги свой пыл до Ираза. И мне-то одному с этим судном не справиться, а ты и подавно потонешь.

– Ты всегда такой трезвый и расчетливый? У тебя вообще есть человеческие чувства? Или ты машина, набитая винтиками и пружинками?

Джориан усмехнулся:

– Думаю, свалял бы дурака не хуже любого другого, дай я только себе волю. Когда я был таким вот молоденьким парнишкой, как ты...

– Ты и сейчас не старик!

– Конечно. Мне нет еще тридцати. Но от превратностей бродячей жизни я возмужал раньше времени. Ты тоже, если повезет, быстро повзрослеешь, иначе из-за какой-нибудь ребяческой выходки придется перейти в следующую реальность. Ты уже трижды был на грани за время нашего короткого путешествия.

– Пф-ф! – Зерлик ушел в каюту и мрачно просидел там, держась за голову, весь остаток дня.

Однако на другой день он снова оживился. Бодро выполнял приказания и делал все, что от него требовалось, как ни в чем не бывало.

III

Башня Кумашара

Вдоль западного побережья почти на сотню лье тянулись высокие зубцы Козьей Кручи. Горный кряж, поросший угрюмым хвойным лесом, напоминал спину дракона и местами уходил под воду. Вот почему в этой части Западного океана было рассеяно множество мелких островков, подводных скал и рифов, которые кораблям приходилось огибать, делая большой крюк. Затем Козья Круча шла на убыль, переходя в холмы Пенембии, по весне зеленые, а осенью пестреющие грязноватыми оттенками желтого и коричневого с редкими вкраплениями зелени.

Взошло солнце, осветив бурые, с зелеными пятнами холмы; начался двадцать четвертый день месяца Единорога. Джориан направил подзорную трубу на юг, вдоль побережья.

– Погляди-ка, Зерлик, – сказал он. – Это и есть ваша башня с часами? Та штука на стыке береговой линии и горизонта?

Зерлик поглядел:

– Возможно... Пожалуй, так оно и есть... Да, я вижу сверху струйку дыма. Башня Кумашара, она самая.

– Верно, названа в честь какого-нибудь покойного короля?

– Нет, не короля. Это целая история, очень любопытная.

– Расскажи.

– Все произошло более ста лет назад, при Шаштае Третьем, получившем прозвище Шаштая Капризного. Кумашар был известным архитектором и инженером. Так вот, Кумашар уговорил короля Шаштая построить башню-маяк, правда без часов, часы появились позднее.

– Знаю, – вставил Джориан, – их собрал мой родной батюшка, когда я был еще мальчишкой.

– Да что ты! Ну да, теперь припоминаю, Карадур писал что-то такое в письме. А ты был с отцом в Иразе?

– Нет. Мы жили тогда в Кортолии, в городе Ардамэ, отец оставил нас на несколько месяцев ради этого контракта. Похоже, ваш король надул его, не заплатив и половины. Выдумал какой-то бешеный налог с денег, вывозимых за пределы королевства. Ладно, продолжай.

– Ну вот. Король Шаштай пожелал, чтобы на камне было высечено его собственное имя, а не имя архитектора. Когда Кумашар предложил высечь на башне два имени, король страшно разгневался.

«Ты слишком много на себя берешь, – предупредил он Кумашара, – не пришлось бы пожалеть...»

Но Кумашар был не из тех, кто легко сдается. При достройке башни он сделал на стене небольшое углубление и собственноручно высек там надпись: «Здание возведено Кумашаром, сыном Юнды, на две тысячи тридцатом году правления джуктарской династии». Затем он выровнял стену, замазав углубление толстым слоем штукатурки, а сверху написал имя короля, как и было приказано.

Несколько лет на башне красовалось имя короля Шаштая. Потом штукатурка размякла от зимних дождей и отслоилась, обнажив первоначальную надпись.

Король Шаштай пришел в ярость, узнав, как насмеялся над ним Кумашар. Архитектору пришлось бы несладко, если бы он – к счастью или к несчастью, это как посмотреть – не умер к тому времени своей смертью.

Король повелел сточить надпись, оскорбительную для него, и высечь новую, угодную его величеству. Но чиновники, от которых это зависело, были высокого мнения о Кумашаре,

а Шаштая Капризного не очень-то уважали, притом в те годы он был уже дряхлым стариком. Так что на королевские капризы они почтительно кивали, а потом работы бесконечно откладывались под самыми разными предлогами. То денег в казне не доставало, то возникали непредвиденные технические трудности, то еще что-нибудь. Вскоре король Шаштай, в свою очередь, скончался, а надпись так и осталась нетронутой.

– Вот-вот. Даже власть могущественных монархов ограничена людским своеволием, – заметил Джориан. – Я прочувствовал это на себе, пока правил Ксиларом. Одно дело – отдать какой-нибудь приказ и услышать в ответ: «Да, сир. Слушаюсь и повинуюсь». И совсем другое – проследить, как этот приказ передается по цепочке сверху вниз, чтобы не застрял где-нибудь на полдороге. А что за человек ваш нынешний король?

– Король Ишбахар? – На лице Зерлика застыла напряженная улыбка; это искусственное выражение Джориан не раз замечал у чиновников и придворных, когда был королем Ксилара. – Ах, сударь, что это за чудесный правитель! Поистине образец мудрости, справедливости, мужества, благонравия, рассудительности, достоинства, щедрости и благородства.

– Что-то уж слишком хорошо. Это подозрительно. Совсем никаких недостатков?

– Сохрани Угролук! Конечно никаких. Правда, я рискнул бы назвать его гурманом. Большую часть времени он предается невинным гастрономическим удовольствиям, а управление государством благоразумно доверяет людям сведущим, в подробности не входит, разве поможет иногда добрым советом. По королевству разъезжать тоже не любит: зачем рисковать драгоценным здоровьем да еще заставлять местные власти тратиться на пышные приемы? К тому же он считает бестактностью вмешиваться в дела провинциальных чиновников и военачальников, навязывая им свое мнение. Ишбахар – славный король, живет себе, поживает во дворце, никому не мешает.

«Иначе говоря, – подумал Джориан, – это ленивая прожорливая свинья, которая хрюкает у себя в хлеву над золоченым корытом и знать не хочет, что там делается в королевстве».

Холмы постепенно переходили в широкую долину реки Льец, в устье которой раскинулся огромный Ираз. «Летучая рыба» не спеша миновала пригород

Жактан, расположенный на левом берегу. Зерлик указал на большое строение с многочисленными шпилями, золочеными куполами и башенками, сверкающими в лучах полуденного солнца.

– Храм Нубалиаги, – сказал он.

– Кто такая Нубалиага?

– Богиня луны, любви и плодородия. Подальше за ним – ипподром. Принято считать, будто под рекой прорыт потайной ход, соединяющий храм с королевским дворцом. Говорят, его вырыли при короле Хошче, обошелся он очень дорого и должен был служить королю в ночи Священного брака. Но я еще не встречал человека, который видел бы этот ход своими глазами.

– Если он когда и был, его уж давно залило водой, – заметил Джориан. – Протечки в таких случаях неизбежны. Чтобы спасти этот ход, надо было целую армию содержать с тряпками и ведрами. А что это за Священный брак?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.